

БУДУЩЕЕ РОССИИ И МИРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Двадцать лет реформ – промежуточные итоги?¹ (российское общество как процесс)

Г.А. ЯВЛИНСКИЙ, А.В. КОСМЫНИН

Сегодня в самых разных социальных группах нарастает разочарование и ощущение бесперспективности, ощущение того, что последние 20 лет со всеми их потрясениями и жертвами привели страну в тупик. Последствия недавнего экономического кризиса – никак не причина, а только некоторый частный «усилитель вкуса» этого господствующего ощущения. Это – ощущение, которое русский культуролог и публицист Евгений Трубецкой в начале прошлого века описывал словами: «Попытка подвести итоги первому десятилетию XX в. переносит нас в атмосферу известной народной сказки. Сиденье над разбитым корытом всегда предрасполагает к философским размышлениям. Естественно, возникает вопрос, почему оно разбито, почему вообще рухнули одна за другой все наши радужные мечты? Еще так недавно терема и дворцы были близки к осуществлению. Почему же теперь даже светлая и просторная изба кажется нам недостижимым счастьем?» [Трубецкой 1911, с. 190]. То, что обсуждается в СМИ в качестве «проектов будущего», на деле обращено в прошлое. Это либо возвращение к той или иной форме советской модели («кремниевая долина» в Сколково – воспроизводство советского опыта от «шарашек» до наукоградов), либо мечтания о 90-х как о «времени возможностей».

Ключевые слова: реформы, рыночная экономика, периферийный капитализм, общественное сознание, модернизационный потенциал, реакция «ухода»

ЧАСТЬ 1.

Экономические реформы в России – что получилось?

Говоря о двадцатилетии, которое в общественном сознании устойчиво ассоциируется с понятием «рыночные реформы», прежде всего, необходимо признать, что экономические реформы (или, во всяком случае, то, что за них выдавалось) привели к результату, отличному от общественных ожиданий, а также от целей, провозглашавшихся инициаторами и сторонниками общественных перемен. В данном случае мы не имеем в виду количественные параметры – темпы экономического роста, инфляцию, уровень и качество потребления и т.п., хотя и они, безусловно, имеют важное общественное значение. Все же более важными представляются качественные задачи и цели, в первую очередь, создание в стране новой социально-экономической системы, поскольку в долгосрочном плане именно она – эта система – определяет и степень динамизма экономики, и уровень жизни населения, и перспективы решения основных общественных и экономических проблем.

¹ Статья является изложением доклада Г.А. Явлинского на пленарной сессии Ежегодной конференции «Социология в мире коммуникаций: инновационные подходы» – 11 декабря 2010 г.

Так вот, экономическая система в России в результате реформ 1990-х гг., условно, кардинально изменилась по сравнению с советским периодом. В то же время сформировавшаяся новая система коренным образом отличалась не только от советского планового хозяйства, но и от первоначально провозглашенных целей и ориентиров. В принципе, то, что при реформировании общества реальность может в итоге отличаться от первоначальных планов – нормально и естественно. В конце концов, экономика – это не физика, и точное прогнозирование, не говоря уже о планировании, здесь в принципе невозможно. Проблема заключается в том, что в нашем случае расхождения имеют очень глубокий, принципиальный характер.

Что первоначально задумывалось – общеизвестно: конкурентная рыночная экономика с ясными и прозрачными правилами игры, обеспечивающая эффективное распределение и использование ресурсов, быстрый и устойчивый экономический рост, равновесие в отношениях с внешним миром при разумной степени открытости экономики и стабильную финансовую систему, включающую в себя прочную бюджетную систему, устойчивую полноценную национальную валюту и динамичный банковский сектор. Разумеется, реализация этой цели предполагала определенную этапность – не все и не всегда должно было получиться быстро и с первой попытки, но в целом уже в течение нескольких лет предполагалось сформировать прочные основы для экономики вышеописанного типа.

Что же получилось? Подробнее мы это сформулируем чуть позже, а пока можно сказать – возникла система принципиально иного характера, в которой в масштабе экономики в целом не была реализована ни одна из названных основных характеристик. В стране не сложились условия для эффективной внутри- и межотраслевой конкуренции; не создан механизм рыночной концентрации и накопления капитала у эффективных фирм; не сформировался необходимый набор стимулов для эффективного производительного использования ресурсов; не выстроена система прозрачных и соблюдаемых всеми основными участниками правил экономической игры. Мы назвали здесь только самые базисные вещи – вообще же список нереализованных условий может быть очень длинным. Так, в российской экономике по большому счету отсутствует механизм стимулирования эффективного роста: в течение пяти лет после начала реформ в экономике наблюдался спад производства, но и после его окончания механизм роста работает слабо и дает постоянные сбои. Структура хозяйства (как отраслевая, так и структура используемых ресурсов) не только не улучшается, но и (в качестве тенденции) скорее регрессирует. Доля накопления осталась на очень низком для растущего хозяйства уровне (порядка 20%), а размер инвестиций, которые экономика способна генерировать и переварить, – более чем скромным. В стране так и не сформировалась ни полноценная национальная денежная система (не секрет, что рубль сегодня выполняет функции вспомогательной, чем единственной или хотя бы основной денежной единицы), ни банковская система, способная выполнять свою главную функцию – финансировать эффективные инвестиции².

Это не означает отсутствия в созданном каком бы то ни было позитива. Отказ от советской системы и тоталитарного государства есть громадный исторический шаг вперед. И все же мы не склонны рассматривать итоги двух десятилетий ре-

² Важно отметить, что обоснованные предположения о неудаче реформ и весьма точные прогнозы о том, что планы и практика российских реформаторов создают полукриминальную систему «не зарождающегося, а возрождающегося капитализма», были сформулированы уже в самом начале реформ – в марте 1992 г. См., например, публикацию профессора О.И. Шкаратана «Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России» [Кардозу, Карной, Кастельс, Козн, Турен 2010]. Можно только сожалеть, что эта блестящая работа стала известна только недавно. См. также аналогичный анализ, проведенный одним из авторов настоящей статьи [Явлинский и др. 1992].

форм как успех. В первую очередь, потому что в список нереализованных задач попали слишком важные со всех точек зрения вещи, чтобы списать их как неизбежные издержки или малозначимые отступления от первоначального плана.

Почему так произошло?

Если рассматривать проблему с традиционно экономической точки зрения, то можно выделить несколько «слоев» различных факторов или причин, в итоге сделавших неизбежной неудачу предпринятой в 90-е гг. попытки в исторически короткие сроки реформировать советскую экономику. Можно, в частности, отметить здесь четыре группы причин разного порядка.

Во-первых, недопонимание того, от чего мы собственно пытались уйти, то есть природы советской экономики.

Во-вторых, ошибки, допущенные при определении содержания и последовательности мер экономической и социальной политики.

В-третьих, это то, что истинные интересы и мотивы власти по большому счету не были связаны с декларируемыми целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения.

И наконец, **в-четвертых** (и это подход к самому глубинному слою, которому и будет посвящена значительная часть статьи), способы и методы ведения реформ, то, как они осуществлялись, как полностью игнорировались не только особенности объекта реформ, но и их субъекта, его историческая и культурно-психологическая составляющая.

Коротко проанализируем первые три группы причин³, а четвертую – рассмотрим особо.

Игнорирование реалий советской экономической системы

Итак, первое: в чем заключалась неадекватность восприятия экономики советского типа?

Прежде всего, почему-то считалось аксиомой, что в принципиальном плане советские «социалистические» предприятия ничем не отличались от классических капиталистических фирм, и единственное, что требовалось сделать для формирования на их базе эффективно работающей рыночной экономики – это передать их в частную собственность и освободить от директивного планирования.

Между тем, советские предприятия были специфическим экономическим явлением, к которому неприменимы абстрактные положения теории капиталистической фирмы, теории конкуренции, основ корпоративного управления и т.д. Никогда (во всяком случае со времени сворачивания НЭПа) эти предприятия не были самостоятельным хозяйствующими субъектами: это были просто своего рода большие цеха, звенья большой системы государственного планового хозяйства, принципиально неспособные в течение считанных месяцев, как этого ожидали реформаторы, трансформироваться в самодостаточные экономические агенты, способные эффективно выполнять все функции фирмы в традиционном капиталистическом хозяйстве. Не было у них для этого ни средств, ни условий, ни (что не менее важно)

³ Мы писали об этом неоднократно. См., например: «Российская экономическая система. Настоящее и будущее» [Явлинский 2007]; «Стимулы и институты» [Явлинский, Брагинский 2006]; «Периферийный капитализм» [Явлинский (2) 2003].

предыстории. Приватизация в этом плане ничего не меняла – формальный юридический статус можно сделать каким угодно, но реальную мотивацию и содержание экономического поведения хозяйствующего субъекта определяет не статус, а природа этого субъекта и те реальные условия, в которые он оказывается поставлен.

Кроме того, внутри отраслей производственная структура советской экономики была выстроена таким образом, что основным ее принципом был монополизм. Говоря языком экономической теории, в системе, где конкуренция считалась формой растраты ресурсов, вся логика построения производственных и распределительных систем базировалась на принципе монополии как идеала эффективности и исключала возможность ее функционирования на иных, нежели директивное планирование, началах. В сущности, практически неразрешимые проблемы, с которыми сталкиваются все это время попытки реформировать газовую отрасль, электроэнергетику, железные дороги и связь (это лишь наиболее яркие примеры, которые у всех на слуху) в большинстве своем коренятся в заложенной в советское время производственной структуре в этих сферах. Между тем, все это, пусть и в менее ярко выраженной форме, было характерно для любой крупной отрасли. Ни в металлургии, ни в химической промышленности, ни в какой-либо другой основной отрасли промышленности на конец 1980-х гг. не было условий для мгновенного (по историческим меркам) возникновения конкурентной среды, которая если бы и не выполняла роль механизма, обеспечивающего повышение эффективности, то хотя бы дисциплинировала субъекты новоявленного российского капитализма.

Власти также неявно исходили из допущения, что в стране скрыто существовали некие ресурсы капитала, которые с отменой государственной монополии на деятельность и директивного планирования, должны были стать источником финансирования инвестиций и роста производства. На каком основании делалось такое допущение – загадка. Все программы капиталовложений в экономике СССР последних советских десятилетий определялись директивно и главным образом в натурально-вещественной форме. Никакой аккумуляции и перераспределения капитальных ресурсов посредством денежной системы не происходило – за пределами ограниченной сферы личного потребления денег как таковых вообще не существовало, были лишь учетные записи административно осуществляемого перемещения ресурсов, выраженные в рублях как неких условных учетных единицах. Соответственно, Госбанк СССР и его специализированные подразделения не имели ничего общего с банковским сектором в зрелой рыночной экономике, за исключением исторически унаследованного названия. Соответственно, не было никаких оснований предполагать, что подобная система окажется в состоянии финансировать рост экономики огромной страны. Тем не менее, реформаторы первой волны, похоже, всерьез принимали советские спецбанки за банки, бухгалтерские проводки – за движение капитала, а учетные записи – за деньги. Кстати, как это не парадоксально, при этом те рубли, которые единственно и обладали свойствами реальных денег – заработная плата и сбережения населения, – те же реформаторы посчитали за чистую условность и фактически отменили в первый же месяц своих реформ (но это уже другая тема).

Наконец, еще один важный момент. Ни для кого, кто работал в системе управления и имел возможность наблюдать советскую экономику «изнутри», не должно было быть откровением, что в основе ее функционирования лежали не только директивные планы, но и своеобразный теневой рынок. Мы не имеем здесь в виду банальный черный рынок – неизбежный спутник распределительной системы с ее хроническими дефицитами потребительских благ и, соответственно, возможностями их реальной продажи и перепродажи вне рамок официальной системы. В данном случае мы говорим о более широком явлении – наличии негласных правил или, если угодно, понятий, на основании которых происходил обмен услугами между управленцами различных сфер и уровней. Государственный план не мог

быть на 100 процентов реальным, не мог предусмотреть всех деталей и неизбежных, часто неожиданных изменений. Отсюда неизбежно возникала необходимость самостоятельной активности управленцев-менеджеров для решения поставленных перед ними задач. Соответственно, параллельно логике плана возникала и действовала логика своеобразного теневого рынка, когда одни ресурсы и услуги обменивались на другие, иногда с прямой выгодой для участников обмена, иногда без таковой, но в любом случае с осознанием ими своей власти над благами и возможностями, оказавшимися в их распоряжении. Другими словами, попытка перейти от планового хозяйства к рыночному имела своим исходным пунктом не абстрактную модель чисто директивной экономики, а такой тип хозяйства, где официальная плановая экономика не просто дополнялась, но и была глубоко пронизана отношениями параллельно существовавшего административного рынка. В процессе так называемых «реформ» начала 1990-х гг. рыночные отношения не создавались на белом холсте социалистической экономики, они привносились в уже существовавшую систему неформальных отношений по поводу распоряжения ресурсами и собственности на них – отношений, игнорирование которых могло привести и действительно привело к серьезным и опасным деформациям в создаваемом новом хозяйственном механизме.

Ошибки экономической политики

Ошибки, допущенные при определении содержания и последовательности мер экономической и социальной политики, в значительной мере были обусловлены плохим пониманием реформаторами природы советской плановой экономики. Так, например, с искаженным представлением о советском «социалистическом» предприятии непосредственно связан механистический подход к приватизации, неверные понятия о ее возможностях и эффекте. Приватизация была сведена к изменению формального юридического статуса предприятий, проведенному в виде массовой кампании в качестве единовременного акта устранения государства от управления предприятиями и ответственности за их положение. Если в Западной Европе приватизация крупных государственных предприятий почти всегда являлась весьма длительным процессом, в рамках которого окончательный переход предприятий в разряд частных являлся лишь последним актом реализации обширной программы его реорганизации и адаптации, то у нас отдельно существовавшие звенья директивной экономики просто объявили частными фирмами, частично оставив вообще без хозяина, а частично передав в безвозмездное пользование кому-то из числа желающих. Под влиянием и при непосредственном участии международных финансовых организаций, в первую очередь Всемирного банка и МВФ, верстались планы мгновенной приватизации сотен и тысяч крупнейших заводов, которая, по сути, была сведена к переписи данных в реестре в пользу никому не известных фирм и людей.

Кстати, под эти действия была подведена и соответствующая теоретическая база. Позволим себе сослаться на Джозефа Стиглица, который, занимая пост главного экономиста Всемирного банка, имел возможность наблюдать ситуацию, что называется, «изнутри». В своей публикации по поводу экономической ситуации в России он прямо пишет, что главными постулатами политики МВФ и американского министерства финансов в отношении российских реформ были, во-первых, утверждение, что реструктуризация [предприятия] невозможна до его приватизации, а во-вторых, тезис о том, что форма приватизации не имеет значения. Сам же Стиглиц утверждает: «Теоретические исследования и практика Всемирного банка и других организаций, в частности, в случае Польши и ряда других стран, избрав-

ших иной путь, показали, что реструктуризация экономики возможна и до приватизации, а также то, что способ, которым проводится приватизация, имеет важное значение как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Приватизация без хорошего корпоративного управления обычно приводит не к быстрому росту, а, напротив, к целому букету проблем» [Стиглиц 1999].

Каков был эффект от приватизации – общеизвестно: падение объемов производства, рентабельности, катастрофическое сокращение инвестиций при росте всех видов задолженности, прямом и скрытом уводе или утрате предприятием всех видов ценных активов.

В свое время много было сказано на тему непрозрачности процесса приватизации крупных предприятий, особенно в сырьевом секторе, и расцветшей на этой основе коррупции. Но в данном случае вопрос о степени допущенных злоупотреблений не является самым важным – в любом случае ущерб от них был меньше, чем ущерб, нанесенный самим процессом конвейерной приватизации. На деле к массовой приватизации крупного производства можно было приступить только после формирования устойчивого слоя мелкого и среднего частного бизнеса, ибо только он способен помочь настоящим, а не «назначенным» предпринимателям аккумулировать средства и опыт для участия в приватизации крупного производства и обеспечить тем самым конкурентность и относительную честность этого процесса.

Большой ущерб, на наш взгляд, нанесло игнорирование факта встроеного в советскую экономическую систему монополизма. Провозглашенный так называемым «правительством реформ» и его добровольными помощниками из международных финансовых организаций рецепт «либерализация плюс приватизация в рекордно короткие сроки» на деле означал приватизацию и освобождение от контроля фактических монополий. Другими словами, вместо либерализации рыночной экономической активности произошла либерализация приватизированных монополий. Частная собственность без конкуренции – явление экономически и политически еще более вредное, чем государственная. Это просто замена государственного волюнтаризма на частный произвол, который снижает степень эффективности хозяйственной системы как на микро-, так и на макроуровне.

Очевидно, что с точки зрения и экономической логики, и здравого смысла переходный период мог и должен был начинаться с создания конкурентной среды путем малой и средней денежной приватизации или хотя бы ее основ. Только после этого можно было ставить вопрос о демонтаже системы ограничений и осторожном начале приватизации крупного производства. Мы же и сегодня, спустя 20 лет после начала так называемых «радикальных реформ» вынуждены констатировать, что огромная, если не преобладающая часть частных предприятий в той или иной степени поддерживаются объективно существующими или сознательно сохраняемыми элементами монопольного контроля над рынком. Тот факт, что Федеральная антимонопольная служба чаще всего не выявляет таких элементов, отнюдь не означает, что их нет. Практика обнаруживает их во множестве и буквально на каждом шагу.

В стране в начале 1990-х отсутствовали (в их современном значении) денежная и банковская системы, рынок капитала, рынок капитальных благ. Хозяйственное законодательство, соответствующая ему система судопроизводства, механизм охраны контрактного права, механизм защиты прав акционеров и собственников, процедура и механизм банкротства – все это еще предстояло создать. Причем, порядок, последовательность действий имели здесь важнейшее, принципиальное значение: если формирование вышеперечисленных институтов предшествует приватизации и либерализации, формируется одна система отношений и соответствующий ей предпринимательский класс; если оно откладывается «на потом» или происходит по мере возможности – закрепляется совершенно иная система и иной

менталитет бизнеса. В нашем случае институциональные реформы хронически отставали от истинных потребностей в них экономики. В результате бизнес-класс исходил из того, что было в реальности, и заменял необходимые институты их эрзацами: вместо полноценной национальной валюты использовал иностранную и бартер, вместо банков – теневой капитал, вместо государственной юстиции – частную, вместо налогов – откуп и так далее.

Последующие попытки создать настоящие институты чаще всего оказывались бесполезными. Создаваемые институты просто стихийно встраивались в уже сложившуюся практику внеправовых отношений, превращаясь либо в инструмент кормления для прикрепленных к ним чиновников, либо в бессмысленную декорацию.

Институциональные реформы, которые были как воздух необходимы для формирования новой экономики, способной решить стоявшие перед страной задачи, фактически были отодвинуты даже не второй, а скорее, на третий или четвертый план, а главной задачей были провозглашены приватизация, либерализация и финансовая стабилизация. При этом мы, как непосредственные участники политики того периода, категорически не согласны с теми, кто объясняет безальтернативность этого подхода «политической необходимостью», «опасностью возврата к коммунизму», необходимостью построения «бандитского капитализма вместо бандитского коммунизма» [См. подробный анализ А.Н. Илларионова – *Илларионов 2010*].

Финансовая стабилизация, кстати говоря, на долгие годы превратилась в своего рода фетиш экономической политики, поскольку в наличии бюджетного дефицита и инфляции видели источник всех проблем и главное препятствие для экономического роста. На самом деле было совершенно очевидно, что инфляция, как и бюджетный дефицит, – это всего лишь следствие более глубоких институциональных дефектов системы, и борьба с нею без ликвидации самих дефектов – не осмысленная экономическая политика, а ее бессмысленная имитация.

Это же относится и к курсу на скорейшую либерализацию экономической деятельности. В принципе, нет и не может быть возражений против снятия большей части ограничений, искажающих действие рыночного механизма и порождающих ложные сигналы, ведущие в свою очередь к неоптимальному, неэффективному распределению ресурсов. В то же время такое снятие ограничений имеет смысл только в том случае, если в соответствующих сферах реально действует рыночный механизм, способный самостоятельно обеспечить оптимальное распределение ресурсов и их эффективное использование. В тех же случаях, когда мы имеем дело с фактической монополией или криминально-бюрократическим контролем над соответствующим сегментом экономического пространства, формальная либерализация на деле означает лишь легитимацию монопольной сверхприбыли и закрепление связанной с ним колоссальной неэффективности экономики в целом. На деле происходило именно последнее – либерализация не обеспечивала свободу конкуренции, а превращала в законное занятие снятие фактическими монополиями «сливок» с подконтрольных им сфер и отраслей.

Еще одна крупная проблема, в отношении которой не было найдено адекватного решения, – последовательность действий при осуществлении собственно либерализации. Все помнят, сколько копий было сломано вокруг проблемы так называемого «инфляционного навеса» – неравновесия между денежной массой в экономике и, в первую очередь, средств на руках у населения, и объемом товарного предложения при фиксированных ценах. Действительно, к концу 1980-х гг. это неравновесие становилось все более заметным, а к концу 1991 г. приобрело действительно угрожающие масштабы, поскольку начавшийся производственный кризис физически сокращал товарное предложение, а политический – привел к утрате контроля за ростом денежной массы. Последняя превышала товарное предложение при условии сохранения фиксированных цен, по нашим оценкам, примерно

в 3 раза, и проблема действительно требовала срочного решения. Как известно, правительство «реформаторов» решило проблему предельно просто: отпустив цены в условиях неравновесия, оно позволило покупательной способности сбережений и фиксированных доходов официально уменьшиться в несколько раз и одновременно запустило спираль гиперинфляции, которая в течение года (инфляция в 1992 г. составила 2600%) полностью ликвидировала все сбережения советского периода, фактически произведя их конфискацию почти у 100% населения. Официальное объяснение причин было и остается столь же простым – другого способа ликвидировать этот навес якобы не было. Между тем никто не представил убедительного объяснения, почему нельзя было увеличить противостоящий денежной массе объем благ за счет включения в него тех их категорий, который в условиях плановой экономики не подлежали обмену на деньги – средств производства, земли, жилищного фонда и т.д. Да, при этом был бы нарушен принцип равенства прав собственности граждан на общественное достояние, но по сравнению с тем огромным обманом, который произошел в результате аннулирования трудовых сбережений, а затем – его логического продолжения в виде ваучерной приватизации, это нарушение было бы несравненно меньшим злом и имело бы на порядок меньшие негативные социальные последствия, чем те, что мы имели возможность фактически наблюдать. На самом деле фактор доверия к власти, к ее политике – это важнейший экономический фактор, и ощущение населением несправедливости, творимой по отношению к нему властью, то есть, в конечном счете, государством, наносит экономике колоссальный ущерб, несоизмеримый с тем фискальным выигрышем, который правительство получает в результате отказа от собственных долговых обязательств, каковыми являются в том числе и эмитированные от его имени деньги.

Финансовая стабилизация, которая ценой огромных социальных жертв и деформаций, в том числе ценой дефолта по государственным облигациям, в основном была достигнута к концу 1990-х гг., действительно была необходима, но не после, а до начала либерализации и приватизации; и не за счет населения, потерявшего в итоге доверие и к власти, и к легальным экономическим институтам, прежде всего к банковской системе, а за счет ресурсов, которые к концу советского периода были накоплены в руках государства и его органов. Такая возможность на тот период реально была.

Мотивация власти: абстрактные цели и реальные интересы

Следующая группа причин неудачи реформ – расхождение истинных интересов и мотивов власти, которая взяла на себя ответственность за историческую судьбу России в 1991 г., с декларировавшимися целями создания прозрачной и конкурентной рыночной экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения. Разговоры о демократической рыночной экономике и, соответственно, политических и экономических реформах, призванных обеспечить ее становление, уже в 1992 г. и особенно начиная с 1995 г. стали не более чем идеологическим прикрытием для куда более прозаичных задач и целей.

На деле новую систему формировали не либералы-реформаторы, а наиболее энергичная и «голодная» часть старой советской бюрократии. Формировала под себя, под свой менталитет и свои интересы. Разговоры о рынке, конкуренции и тому подобных вещах интересовали правящую элиту лишь в той мере, в которой это было необходимо для обеспечения политической поддержки нового правящего класса. Что же касается реальных действий, то любые меры, ограничивавшие для правящей элиты свободу распоряжения доставшимся ей от советской эпохи

наследством, были для нее неприемлемы. Первой и главной задачей переходного периода в понимании тогдашней власти было обеспечение ее собственных имущественных и политических интересов и, в первую очередь, использование оказавшейся в ее руках власти для реальной приватизации активов бывшего советского государства.

Субъективные ощущения, планы или представления отдельных представителей нового правящего слоя, по большому счету, не имели значения. В ряде случаев, вполне допускаем, что они искренне ставили задачу построения в России общества западноевропейского или американского типа. Однако общее коллективное сознание этого слоя, его представление о допустимом и недопустимом, возможном и невозможном, желательном и нежелательном обеспечивало принятие именно тех решений, которые создавали условия для успешной конвертации власти в собственность и наоборот. Напротив, те законы или решения, которые могли бы способствовать созданию условий для относительно честной рыночной конкуренции, фактически саботировались, а их воздействие на реальную экономику практически было сведено к нулю.

Нынешняя хозяйственная и политическая система России: сущность и характеристика

Что же мы получили в качестве результата реформ 1990-х? В какой системе отношений сегодня живет страна и что, соответственно, определяет траекторию ее будущего экономического развития?

Исходным пунктом наших рассуждений является следующий тезис: в результате деятельности ряда правительств эпохи президентов Ельцина и Путина в России сложилась политико-экономическая система, весьма отличная от классических представлений о рыночной демократии и принципах ее функционирования. При этом речь идет не о некоем переходном этапе от плановой экономики к рыночной, когда все основные механизмы демократического рыночного хозяйства уже созданы, но еще в полной мере не функционируют, а об особом типе хозяйства, имеющем свою собственную логику, которая не сводится к сумме или переплетению черт остатков плановой экономики, с одной стороны, и современного рыночного хозяйства, с другой.

Действительно, многие явления и черты, рассматривавшиеся в первые годы послесоветского периода как временные и преходящие, как следствие переходного характера российской экономики, образовали основные, базисные черты нового экономического порядка – экономического строя ельцинской и путинской России.

Преобладание в экономике неформальных отношений

Прежде всего, многие заблуждения и недоразумения по поводу российской экономической системы и российской экономики вообще связаны с недооценкой роли в экономике страны различного рода неформальных отношений – правил и норм экономического поведения, которые не устанавливаются формально действующими в стране законами и отличаются от описываемых ими. Эти правила и нормы сформировались как стихийная реакция на разрушение хозяйственного механизма, действовавшего в 1980-е гг., которое сопровождалось принятием совершенно неадекватной правовой базы, которая не признавалась и отвергалась подавляющей частью экономических субъектов.

Совокупность этих правил, а также экономической активности, ведущейся в соответствии с ними, достаточно точно отражается термином «неофициальная экономика», в рамках которой в России реально производится преобладающая часть валового национального продукта страны. В данном случае мы имеем в виду не только неучитываемую или нерегистрируемую экономическую активность или то, что принято называть «теневой экономикой». Речь идет о более широком понятии, то есть деятельности, которая необязательно является скрытой, но тем не менее ведется вне или с нарушением установленных законом рамок и принципов, например, с использованием мнимых платежей, незаконных или всякого рода экзотических форм расчетов, занижением или завышением оценок и цен, лжеэкспорта, использованием незаконных льгот и т.п. Такого рода отношения господствуют не только в той части экономики, которая скрыта от учета и налогообложения, но в значительной части и в открытой, не скрываемой от государственных органов деятельности, что, кстати, является причиной целого ряда мнимых парадоксов и проблем. Неофициальная экономика существует не отдельно от официальной или легальной, а как бы пронизывает ее, внося в поведение предприятий коррективы и особенности, необъяснимые в рамках законов и официальных правил хозяйственной деятельности.

В результате складывается положение, когда официально фиксируемая и доступная количественному анализу деятельность, равно как и ее условия, являются лишь внешней оболочкой, за которой скрывается и действует вторая, параллельная экономика, работающая на иных условиях и в иной деловой среде. Эта параллельная экономика базируется на договорных отношениях, которые не всегда и не обязательно фиксируются в форме письменного контракта. При этом нормы официально узаконенного хозяйственного права действуют в тех пределах и в той степени, в которых они не противоречат стихийно устоявшимся нормам экономического поведения. Расчеты между экономическими агентами определяются по взаимной договоренности и состоят из официальной и неофициальной частей, причем вторая из них отличается богатым разнообразием форм, включая предоставление различного рода услуг, денежные платежи с использованием третьих лиц и организаций и т.п.

Исполнение договоренностей при этом обеспечивается частным образом, то есть либо вообще без использования легального арбитража и судебной системы, либо с использованием их в качестве формального прикрытия. Отношения между экономическими агентами строятся на принципе принадлежности каждого субъекта к той или иной группе, которая и берет на себя роль гаранта исполнения договоренностей. Информация о реальном финансовом положении предприятия, как правило, в своем распространении ограничивается членами той же группы и тщательно оберегается от внешних по ней предприятий и институтов. Это же относится и к вопросам о реальных собственниках, схемах организации управления и финансовых потоков и т.п. — вся соответствующая информация, как правило, закрыта для всех, кто не входит в узкий круг посвященных.

Особая роль власти в экономических отношениях

Неофициальная экономика с неизбежностью требует для своего функционирования и неофициальной системы власти, понимаемой как возможность контролировать основные хозяйственные ресурсы и их использование⁴. В таком ее понимании

⁴ Поэтому «общественный стон» относительно путинской системы власти, конечно, понятен, но надо понимать, что существующая сегодня система власти всего лишь отражает реально сложившийся экономический механизм. Всякий, кто полагает, что смена одной кремлевской команды на другую изменит ситуацию и позволит стране

власть, конечно, обязательно сопряжена в той или иной степени с официальными властными институтами, однако не совпадает с ними, поскольку важную, а подчас и главную роль в ней могут играть и люди, не обладающие административным статусом – руководители и владельцы доминирующих на данной территории предприятий, руководители официальных и неофициальных силовых структур и т. д. В любом случае основанием для осуществления властно-распорядительных полномочий является не формальный мандат на власть (в виде официального статуса главы администрации), а реальная возможность контролировать распределение и использование экономических ресурсов – хозяйственных территорий, объектов инфраструктуры, людских и денежных ресурсов

Мнения по важнейшим вопросам людей, олицетворяющих собой эту власть, в большинстве случаев воспринимаются всеми основными институтами, включая и судебные инстанции, как указания к действию. Соответственно, они крайне редко оспариваются и почти никогда не игнорируются всеми заинтересованными сторонами.

При этом государство в целом не выполняет и более того – органически не способно выполнять роль беспристрастного арбитра в хозяйственных спорах и гаранта исполнения контрактов. Функцию последнего, как уже было сказано, вынуждены брать на себя сами хозяйствующие субъекты, полагаясь на собственную силу или силу своих покровителей, то есть главным образом на неформальную, своего рода «частную» юстицию.

В результате складывается положение, когда не только экономика, но и общество в целом, в том числе и государство, живут по неписанным правилам, не зафиксированным в официальном праве. И граждане (особенно социально активная их часть), и властные органы в этих условиях действуют не на базе закона, а на основе личных отношений, прецедента, способности к принуждению и тому подобных вещей.

Особенно ярко это проявляется в случаях, когда речь идет о крупных хозяйственных интересах: единственным реально значимым фактором для определения результата здесь является не закон, а способность заинтересованного субъекта любыми доступными ему способами провести в жизнь свое решение или обеспечить свои интересы в конфронтации с другими, противодействующими ему интересами. Внешняя видимость законности при этом может соблюдаться, а может – и нет. Средством принуждения может выступать административный ресурс, контроль над рынком или его субъектами или прямое насилие, но в любом случае оно базируется на неформальном «праве» – праве сильного.

С другой стороны, сама эта власть является объектом конкуренции со стороны различных групп интересов, взаимодействие которых и определяет состав и характер власти на каждый данный момент. Группы могут быть организованы по разным признакам общности, в частности, по территориальному, отраслевому, корпоративному и клановому принципам, и иметь разную степень внутренней интегрированности. Различны и конкретные формы организации данных групп – это и официальные органы власти, и полуофициальные структуры, включая общественные монополии различных уровней, и крупные частные предприятия, и разнообразные финансовые структуры с той или иной степенью государственного участия либо без таковой. При всем многообразии форм все эти структуры, однако, объединяет два основных признака:

- реальный контроль над значительными хозяйственными ресурсами;
- преимущественно внеправовая (политико-административная или криминальная) основа такого контроля.

продвигаться по пути создания современной эффективной рыночной экономики европейского или американского типа, либо глубоко заблуждается, не понимая, как устроена российская экономическая система, либо просто хочет заменить Путина и Медведева на себя, ничего не меняя при этом по существу, привести к власти другую, свою корпорацию.

Последнее означает возможность принуждения (теми или иными методами) в отношении тех, кто не признает права группы на такой контроль.

Особенности права собственности

Параллельно с такого рода отношениями, а отчасти и в их результате в стране сложилась ситуация, при которой формальное право собственности на хозяйственные активы является вторичным по сравнению с возможностью реально контролировать ресурсы, необходимые для их производительного использования. Без последнего формальный титул собственника тех или иных активов, будь то предприятие или право на разработку тех или иных природных ресурсов, не означает ничего. Другими словами, формальный титул собственника – еще не повод для претензий на производительное использование объектов собственности, скорее наоборот, он является естественным дополнением реального контроля над активами, который, кстати, может быть установлен и без приобретения их в собственность.

Естественно, что в условиях подобной системы право собственности вообще, и право частной собственности в частности, не являются безусловными. Ни законопослушность, ни сравнительно добросовестное ведение дела, ни даже соблюдение неписаных «понятий» не могут гарантировать защиту прав собственника, исключить возможность так называемого «передела» собственности или ее изъятия более сильным в экономическом, политическом или административном плане субъектом. При наличии реального контроля над территорией, отраслью, инфраструктурой и т.п. заинтересованные группы в существующих условиях легко завладевают теми или иными объектами, используя ангажированные или подконтрольные арбитражные суды, ложные банкротства, саботаж со стороны административных органов или «трудовых коллективов» и т.п. Периодически получающие огласку в прессе громкие конфликты вокруг отдельных предприятий – не более чем верхушка айсберга перманентного процесса перехода собственности из рук в руки по причинам, не связанным с хозяйственным управлением этой собственностью.

Названные базовые характеристики порождают целый ряд важных и интересных следствий.

Системный дефицит доверия и его следствия

Прежде всего, поскольку гарантией исполнения хозяйственных обязательств является не государственная машина, а собственные силы и возможности экономических агентов, которые в силу естественных причин ограничены, возникает ситуация системного дефицита доверия. Собственники и предприниматели не верят государству, государственные органы – бизнесу. Банки не доверяют клиентам, клиенты – банкам, предприятия – своим кредиторам и партнерам. Население вообще никому не верит и более того – укрепляется в убеждении, что это нормальное и естественное для общества состояние.

Дефицит доверия в свою очередь ведет к тому, что горизонт хозяйственного планирования для каждого из экономических субъектов неизбежно сужается, а их возможности – сокращаются. Долгосрочные инвестиции становятся возможными только для самых мощных и уверенных в своей неофициальной силе и влиятельности структур, но даже и для них оказываются сопряженными с очень высокими рисками, что почти исключает привлечение для инвестиционных нужд долгосрочных заемных средств из частных источников на приемлемых условиях. Для подавляющей же части бизнеса сроки конкретного хозяйственного планирования, а также

окупаемости инвестиций сокращаются до полутора-двух лет, что практически исключает возможность их выхода на перспективные высокотехнологичные рынки.

Олигархическая структура экономики и сужение сферы действия законов конкуренции

Необходимость собственными силами обеспечивать исполнение обязательств и опора на неофициальное «право» с неизбежностью порождают **олигархическую структуру экономики**, когда не менее 70% производимого валового продукта так или иначе контролируется двумя-тремя десятками бизнес-структур, решения в которых принимаются несколькими сотнями лиц, составляющих деловую и административную элиту России. С этой точки зрения пресловутое «господство олигархии» в сегодняшней России – не досадное недоразумение и не временное явление переходного периода, а закономерное следствие существующей хозяйственной и политической системы.

В свою очередь олигархическая структура экономики вместе с особой ролью внеправовых отношений обуславливают резкое сокращение сферы действия законов хозяйственной конкуренции. Общенациональный рынок распадается на отдельные территориальные и отраслевые сегменты, контроль над которыми осуществляют ограниченное количество административных и бизнес-структур. Так называемые «барьеры для входа на рынок» при попытке перейти в новый сегмент часто столь велики, что затраты на их преодоление перекрывают выигранный от расширения масштабов реализации. Проще говоря, для того чтобы выйти в новую сферу или просто на новый уровень деятельности, каждый предприниматель сегодня вынужден чуть ли не заново отстраивать систему отношений с чиновниками и «авторитетами», искать соответствующие «подходы» и отбиваться (или откупаться) от недовольных. Конечно, в итоге все проблемы такого рода при наличии средств могут быть решены, но сопутствующие издержки могут быть столь велики, что фактически выполняют роль административного запрета.

Каждый из таких сегментов, хотя и имеет определенную территориальную привязку, не связан жестко с тем или иным регионом, а определяется исключительно границами возможностей господствующих на них групп интересов и контролируемых ими ресурсов.

При этом контроль существующих в стране разных групп интересов над отдельными ресурсами не дает возможности ни одной из них не только установить единоличный контроль над экономикой в целом, но даже построить внутри экономики свой собственный замкнутый цикл хозяйственной деятельности. Для извлечения дохода из имеющихся у нее ресурсов каждой из групп неизбежно приходится вступать в отношения с другими группами, достигая формального или неформального понимания. При этом, несмотря на то, что отношения между этими структурами, а также между ними и подконтрольными им хозяйствующими субъектами строятся не столько на основе рыночных принципов, сколько на соотношении сил, они, тем не менее, не принимают форму иерархического соподчинения. Соответственно, соглашение с какой-либо одной, пусть даже наиболее мощной группой не дает хозяйствующему субъекту гарантии беспрепятственного существования и не избавляет его от необходимости искать соглашения с другими, в том числе и менее мощными группами.

Исторически малый срок существования ныне действующих групп интересов, а также постоянные изменения в соотношении сил между ними, вызываемые как переменами во внешних условиях, так и процессами внутри этих групп, препятствуют формированию стабильной системы хозяйственных отношений в масштабе всей страны и обуславливают постоянные переделы собственности и сфер влияния.

Институционализация коррупции

Наконец, еще одним закономерным следствием системы является симбиоз бизнеса с чиновничеством. В рамках этого союза на теневое довольтствие бюрократии уходят огромные средства («теневой бюджет»), предоставляемые крупными олигархическими структурами в обмен на управленческие решения, приносящие им в сотни раз больший доход. Коррупция институционализируется, становится необходимым элементом хозяйственной деятельности и органической ее частью. Не рынок определяет в наших условиях движение громадных ресурсов между секторами, отраслями и регионами и не гласный и открытый политический процесс, подобный тому, что можно увидеть в развитых демократиях, а кулуарные сделки и интриги в рамках узкого круга властной элиты.

Итак, что получилось? Периферийный капитализм

Определить функционирующую таким образом систему каким-то одним термином непросто. Характеризовать эту систему как переходную было бы слишком большим упрощением, поскольку несовместимые с современными представлениями об эффективной рыночной экономике отношения и институты, описанные выше, представляют собой не столько рудимент прошлого, сколько полноценный элемент функционирующей хозяйственной системы.

По отношению к такой системе выражение «развивающиеся рынки» применимо с большими оговорками, да и как термин оно кажется малосодержательным, поскольку не включает в себя никаких указаний ни на содержание, ни даже на направление предполагаемого развития.

Представляется, что точнее всего характеристики современного российского капитализма отражает термин «периферийный» (и это, кстати, объединяет его с весьма схожими обществами в Азии и Латинской Америке: в качестве примера можно привести Бразилию, Индию, Индонезию, Саудовскую Аравию и др.). С одной стороны, такой термин определенно отражает отсутствие в стране развитой правовой системы, независимого судопроизводства, реальной, а не декоративной партийно-парламентской политической системы, подотчетного парламенту и партиям правительства и др. С другой стороны, он подчеркивает отсутствие самодостаточности и внутренне встроенных механизмов роста в нашем национальном хозяйстве, высокую зависимость экономики и бизнеса в России от ядра современного капитализма – экономики развитой части мира.

В экономическом отношении мы имеем дело со смешанной системой. В принципе, можно сказать, что в стране функционирует смешанная экономика, но не в том смысле, в котором это слово употребляется в современной экономической теории, а в ином специфическом значении. Это экономика, в которой смешанной является не форма собственности, а сама логика экономического, да и социального поведения. Наша реальность – это и капитализм, и не совсем капитализм, а в чем-то даже и совсем не капитализм. В ней есть сектора, живущие по законам конкурентного рынка, но не они определяют ее лицо. Есть в ней также и полностью монополизированные сегменты, и зоны, контролируемые криминалитетом, и сферы, находящиеся под прочным административным контролем. Вместе с тем наиболее типичным является некий комбинированный вариант, когда наличие отношений конкуренции сочетается с довольно плотной зависимостью от административной власти. Без определенного патронажа со стороны этой власти присутствие и тем более расширение своей активности на рынке, по сути, становится невозможным.

В то же время административный фактор в бизнесе не всемогущ, а монополия почти никогда не является всеобъемлющей. Соответственно, активно пользуясь «административным ресурсом», бизнес вынужден в то же время заботиться о своей конкурентоспособности, думать об издержках, стратегии реализации и тому подобных вещах. Одновременно на микроуровне хозяйственная деятельность в сегодняшней России – это не последовательный переход от административной экономики тоталитарного государства к современному («нормальному») западному обществу, а скорее причудливая смесь институтов и отношений различных типов и уровней: современных и традиционных, рыночных и дорыночных; правовых и неправовых, цивилизованных гражданских и основанных на прямом насилии и т.д.

Возможности и пределы системы

В связи с характеристикой, которую мы дали современной российской политико-экономической системе, возникает два важных вопроса. **Первый:** насколько устойчивой и, по большому счету, жизнеспособной является сложившаяся система отношений; **второй:** каковы ее потенциальные возможности и пределы. Поскольку подробный анализ возможностей и перспектив российской системы периферийного капитализма не является задачей этой статьи, сформулируем только главные выводы.

Во-первых, при всей ее эклектичности в ней есть железная внутренняя логика. Почти каждый ее элемент дополняется и поддерживается другими, и все вместе они обеспечивают то, что система работает, и ее функционированию по большому счету ничто и никто не мешает.

Во-вторых, система обладает внутренней устойчивостью, она способна не только к самовоспроизводству, но и к определенному прогрессу. Она не только допускает рост экономики – относительные успехи в экономической области в последние десять лет могут служить тому свидетельством, но и способна к определенному саморазвитию, ликвидации «узких мест» и наведению порядка в некоторых критически важных сферах и областях.

В-третьих, через формирование значительного слоя влиятельных людей и групп, тем или иным образом извлекающих из нее немалую личную выгоду, система получила собственную, и притом весьма надежную социальную опору.

Речь здесь идет не только о высшем слое государственных чиновников или пресловутых «олигархах» – старых и новых. В группы, так или иначе извлекающие из существующего порядка вещей незаслуженно высокие доходы и, следовательно, заинтересованные в его сохранении, попадает практически вся нынешняя российская элита. Это чиновники, способные получать мзду за выгодные другим группам экономические и политические решения. Это практически весь крупный бизнес, способный эту мзду платить и получать в результате монопольный доход, в десятки раз превышающий ее размер. Это профессиональные политики, выступающие в роли посредников между теми и другими. Это верхушка правоохранительных органов, контролирующая силовой аппарат, способный, с одной стороны, прикрыть бизнес от «внесистемного» криминала, а с другой – самому выступать в роли вымогателя, своего рода «внутрисистемного» криминала. Наконец, это и руководители средств массовой информации, которые, с одной стороны, обеспечивают системе в целом идеологическое прикрытие, а с другой – играют на противоречиях внутри самой элиты, извлекая из этого немалую корпоративную и личную выгоду.

Понятно, что при такой универсальной завязанности интересов на сложившейся порочной по своей сути системе российская элита просто не может разру-

шить ее без прямого или косвенного ущерба для себя, даже осознавая ее ущербность и, в конечном счете, историческую тупиковость.

Однако все сказанное необходимо соотнести с ответом на главный вопрос – о возможностях этой системы обеспечивать социальный прогресс и о пределах этих возможностей. Коротко говоря, анализ показывает, что эта система в состоянии обеспечить современный уровень жизни примерно 25% населения страны, при том, что 75% граждан России в условиях господства этой системы не имеют даже в перспективе шансов на современный уровень доходов, качественное образование и медицинское обслуживание.

Периферийный капитализм соответствующим образом формирует и социально-экономическую структуру российского общества: 5% населения, сумевшие «сесть» на сырьевые и финансовые потоки, образуют привилегированный экономически господствующий класс; еще 20–25% населения – это наш «средний класс», который обязан своим относительным процветанием нынешней системе и, соответственно, является ее главной социальной опорой и защитником. Причем средний класс в этой системе представляют не инженеры, офицеры, врачи, учителя, научные работники, средние предприниматели, высококвалифицированные рабочие и фермеры, а работники сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновники и разного рода рантье. Остальные же 70–75% населения – это «старые» и «новые» бедные, подавляющая часть живет на уровне простого воспроизводства рабочей силы или даже ниже. О чем, кстати, красноречиво свидетельствует ситуация как с рождаемостью (ее падение), так и смертностью, которая в большинстве российских регионов продолжает увеличиваться.

Перспективы

Перспективы российской экономики и, если говорить шире, российского общества по большому счету будут определяться двумя моментами: возможностями господствующей в стране экономической системы и ее высокой зависимостью от внешних факторов.

Проблемы России, связанные с общим замедлением темпов роста мировой экономики и рецессией, а также с активным вступлением экономик развитой части мира в постиндустриальную стадию, требуют отдельного анализа и обсуждения.

Что же касается отечественной экономической системы, то совершенно очевидно, что периферийный капитализм российского типа не позволил до сих пор и не позволит в будущем кардинально улучшить положение в таких жизненно важных областях как обеспечение полноценной занятости трудоспособного населения, достойного современного уровня жизни для большинства граждан, стабилизации демографической ситуации, обеспечения безопасности. В результате даже при отсутствии абсолютных спадов или резкого замедления роста Россия будет оставаться огромной слабозаселенной и малоосвоенной территорией, экономическая отсталость которой будет все более очевидной на фоне подтягивающейся к стандартам ЕЭС Центральной и Восточной Европы и динамичными «новыми индустриальными экономиками» Азии.

Создание политических и экономических возможностей для преодоления отставания означает выживание страны, сохранение российской государственности и суверенитета. Для того чтобы понять это, достаточно посмотреть на карту и увидеть, что у России наиболее протяженные границы с наиболее опасными и непредсказуемыми регионами мира, и в связи с этим оценить масштабы необходимых в ближайшие 10–12 лет затрат на вооруженные силы, жилищно-коммунальную инфраструктуру, медицину, образование, преодоление демографического кризиса,

современное освоение Сибири и укрепление нашего экономического суверенитета на Дальнем Востоке.

В России же создан такой мутант рыночной экономики, который в принципе не в состоянии сейчас и не будет в состоянии никогда (если его не изменить коренным образом) решить или хотя бы облегчить решение вышеперечисленных задач. Необходимо ясное политическое, общенациональное признание того факта, что рамки возможностей для экономического, а следовательно и социального прогресса в существующей системе очень и очень узки.

Что делать в сложившейся ситуации; есть ли возможность выхода из заколдованного круга бедности, отсталой структуры и неэффективности? С точки зрения конкретных экономических и политических мер, которые надо для этого осуществить, ясность есть, и они будут изложены ниже. Но прежде чем перейти к традиционному изложению плана реформ, мы считаем необходимым достаточно подробно, насколько это возможно в рамках этой статьи, остановиться на следующем. На пути любых предложений по изменению ситуации в России стоит мощное препятствие. Не политическое и не экономическое, что было бы естественным и понятным. Это препятствие другого рода. Суть его в том, что причину провала реформ и нынешнего плачевного положения нашей политической и экономической системы либеральное сообщество нашло не в допущенных им грубейших ошибках, о которых мы сказали выше, а в «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и пр. Тогда, естественно, задача не имеет решения и Россия всего лишь отхожий промысел для временщиков «умеющих работать» на российских сырьевых ресурсах, а ее годы сочтены.

Но так ли это? Попробуем хотя бы коротко, в принципе рассмотреть эту едва ли не самую серьезную, на наш взгляд, проблему⁵.

ЧАСТЬ 2.

Субъект реформ: народ и государство

Бытующие в политическом, журналистском и даже научном сообществах, кочующие из дискуссии в дискуссию представления о причинах неудачи российских реформ последних 20 лет, можно свести к двум тезисам: о неподходящем народе и неподходящем историческом пути, по которому ему предлагают идти.

В последние годы по мере нарастания ощущения неудовлетворенности все большую популярность приобретают представления об исторически сложившейся (уходящей корнями далеко за советский период), так сказать, непродуктивной, специфической ментальности большинства населения как о корне всех проблем.

На первый план выходит историческая предопределенность: нависающая над страной мрачная многовековая традиция самовласти и жестокости, в свете которой тоталитаризм или авторитаризм, антиевропейскость выглядят органичными для России, глубоко укоренными в ее истории и культуре, а любые попытки рационализации, демократизации, гуманизации – обреченными на непонимание.

В публицистике это направление общественно-политической мысли, в частности, ярко представляет А.Н. Афанасьев [Афанасьев 2008], в политологии и культурологи – авторы, как правило, причисляющие себя к последователям А. Ахиезера⁶, которые фактически свели проблему трансформации общественного сознания

⁵ Подробное исследование с рабочим названием «Как в России осуществить успешные реформы» ведется нами уже более трех лет. Авторы надеются завершить работу в течение текущего года.

⁶ Следует особо отметить, что в фундаментальных работах А. Ахиезера, в центре культурологической концепции которого стояло противопоставление «инверсии» (упрощения, применение простых решений из прошлого к сложным современным проблемам) и «медиации» (творческое решение сложных проблем), а также явление

в современной России к переходу от деревенского иррационального к городскому рациональному сознанию и социальной модернизации в форме радикального избавления от ключевых элементов традиционного «культурного кода» [Ахиезер, Клямкин, Яковенко 2005; Яковенко 2009]. В последнее время с популяризацией подобных тезисов выступает кинорежиссер и писатель Андрей Кончаловский [Кончаловский 2010], который основывает свои построения на концепции «крестьянского сознания» Мариано Грондоны [Grondona 1990].

Население, в силу особенностей сознания не выдержавшее тяжесть трансформации, фигурирует и в либеральной аналитике, посвященной стратегии и тактике демократов в постсоветские десятилетия [Гудков, Дубин, Левинсон 2009].

Еще один распространенный подход – противопоставление традиционного российского сознания и «буржуазного сознания», в большинстве случаев отождествляемого с сознанием протестантским. Этот подход характерен, в том числе и для серьезных исследователей таких как Б.Н. Миронов [Миронов 1999, т. 2, с. 317–326]. Неизменный вывод – о небуржуазности или недостаточной буржуазности как препятствии для модернизации.

Противоположная, казалось бы, концепция строится вокруг тезиса об «особом пути» России, «особом народе», но для которого непригодна западная модель демократии, современное европейское представление о гражданских свободах и правах человека [Нарочницкая 2003, Фроянов 2009]⁷. Авторам этого направления свойственно гипертрофированное внимание к противостоянию России и Запада, выливающееся в представление о борьбе с Западом как главном содержании российской истории на протяжении веков. При этом русское православие отделяется от общехристианской и даже общеправославной традиции, преподносится как нечто абсолютно самобытное и самодостаточное.

За внешним непримиримым противостоянием этих двух концепций кроется одна и та же суть: народ России отделяется от Европы, ему приписываются черты «культурного кода», представляющие собой непреодолимое препятствие как для развития по европейской (демократической, рыночной) модели, так и для интеграции в Европу. Только в первом случае это отделение оценивается отрицательно, а во втором – положительно.

Представляется, что и в том и в другом случае – это существенное искажение реальности.

«Уход» вместо борьбы

На наш взгляд, очевидные особенности отечественной политической культуры не являются органической производной русской/российской ментальности и культуры в широком смысле. Для сегодняшней России, вообще, неактуален вопрос о модернизации как переходе от традиционного общества и свойственного ему сознания к современному; нет и качественного разрыва между традиционалистскими массами и «европеизированным» авангардом.

«проникающего раскола», сформулированы важнейшие методологические положения, которые мы широко используем в нашем анализе. По многим принципиальным вопросам работы последователей А. Ахиезера не имеют с ним ничего общего ни по целям, ни по интенциям, ни по уровню научной аргументации.

⁷ Например, заявленная цель работы Натальи Нарочницкой – доказательство того, что «Россия не есть неудачник универсальной (западной) истории, а мощная альтернатива ей, причем совсем не обреченная...» [Нарочницкая 2003, с. 86]. При этом методология современной исторической науки и исторической социологии объявляется фактически неподходящей для православной России, об успехах и неудачах которой, по мнению Н.А. Нарочницкой, невозможно говорить с позиций «критериев и понятийного аппарата современной социологии и знакомой философской парадигмы исторического материализма» [Нарочницкая 2003, с. 89].

Центральная проблема и главное препятствие модернизационных реформ заключается в глубоком разрыве, отчуждении между народом-обществом и властью-государством, устранении и самоустранении общества от управления государством.

Сохранение разрыва в современных условиях крайне затрудняет или делает невозможным раскрытие интеллектуального и творческого потенциала нации. Вместо этого реализуется специфическая реакция на действия государства – уход. «Уходящий» народ не сопротивляется государству, но и не является его опорой.

Коротко проанализируем исторические и культурологические первопричины разрыва и «ухода». Одну из них можно назвать природно-географической. При этом мы имеем в виду не распространенное в публицистике объяснение специфики экономического, политического социального развития России северным расположением страны и климатом, а наличие доступных свободных земель⁸.

Этот фактор позволял уходить на новые земли вместо общественного сопротивления давлению государства, в ходе которого в Западной Европе выстраивалась вся общественно-политическая практика, зарождались договорные отношения. Конечно, речь идет не столько о прямом буквальном бегстве (при появлении князя с дружиной свободное до той поры племя сразу же переселяется на новые земли), сколько о снижении социальной напряженности, возможности ухода от вынужденного постоянного и плотного взаимодействия с государством.

Следствием феномена «ухода» в раннем средневековье было заселение русских земель с юга на север, то есть переход людей на земли даже худшие по хозяйственным условиям. В послеордынский период (XV–XVI вв.) распространению модели «ухода» способствовало освоение бывших ордынских территорий. До конца XIX – начала XX в. традиционному крестьянскому сознанию была свойственна идеализация акта миграции, который рассматривался «как уход от несправедливой «новизны», переселение на новое место справедливой «старины», как поиск рая на земле, на далеких землях» [Миронов 1999, т. 1, с. 28].

Сама по себе русская крестьянская община, обладавшая рядом уникальных специфических черт – это своеобразная социальная альтернатива географическому бегству, самодостаточная общность, способная существовать на одном географическом, но в разных ментальных пространствах с государством. Это не означает, что община прямо противостоит государству. Как и буквальное, физическое, бегство, она не предполагает борьбы. Система стабилизируется – с одной стороны, община ограждает народ от государства, с другой – как бы помогает государству контролировать население.

Однако традиционный стереотип отношения общинного сознания к реальному государству, представленному чиновниками – отрицательный, как к чужакам, появление и вмешательство которых ни к чему хорошему привести не может. Покорность «начальству» – это покорность непреодолимым обстоятельствам, а не выражение поддержки конкретному правителю или признание его требований справедливыми. Как замечал Владимир Соловьев, для народа «государство есть лишь необходимое средство, дающее народу возможность жить по-своему, ограждающее его от насилия чужих исторических стихий и обеспечивающее ему известную степень материального благосостояния» [Соловьев 2007, с. 65].

⁸ На значение этого фактора обращал внимание А.Н. Медушевский: «На Западе отсутствие свободных пространств и высокая плотность населения сильнее обостряют социальные противоречия, что ведет к большей консолидации сословий и ускоряет законодательное укрепление сословных и личных прав. В России в период складывания централизованного государства, напротив, острота социальной конфронтации длительное время снижалась за счет оттока населения на окраины... Развитие социальных отношений на больших пространствах и систематический отток населения до известной степени замедляет рост социальной напряженности, видоизменяет формы ее проявления...» [Медушевский 1994, с. 37].

Разрыв и модернизация

Разрыв между народом и государством и феномен «ухода» – географического и внутреннего – были, по крайней мере, очень значимыми предпосылками того, что переход к новому времени в нашей стране не был эволюционным.

Формирование абсолютистского самодержавного государства, в конце XVII – начале XVIII в. способствовавшее военному, техническому, промышленному развитию, в то же время становилось преградой для социальной модернизации, появлению элементов договорной культуры, закреплению прав сословий⁹.

Такой исторический выбор вывел российское государство в число главных действующих лиц европейской (что в контексте XVIII в. равнозначно мировой) политики, но отчуждение между народом и государством только усилилось. Европеизация, открывшая дорогу быстрому распространению европейской художественной культуры и моды в дворянской среде, не привела к качественным изменениям в системе «государство – население – внешний мир» и, несмотря на интенсификацию связей с внешним миром, контакты с иностранцами по-прежнему рассматривались властью сквозь призму возможной государственной измены¹⁰.

Впоследствии Российская империя испытывала склонность к изоляционизму, закрытости вплоть до антиевропейскости не по тому, что династия Романовых сознательно хранила вековую русскую традицию, восходящую к Ивану Грозному и другим Рюриковичам, или была вынуждена считаться с традиционалистским давлением снизу. Для государства первоочередным было решение насущной задачи: поддержание внешнеполитического влияния с помощью укрепления авторитарного самодержавия, а не сближение с народом на основе идеи гражданских свобод, ограничения власти государя, народного представительства во власти. Все это в той или иной форме казалось властям разрушительными для сложившейся социально-политической системы, особенно после событий французской революции.

Однако, защищая сложившуюся систему от принципиальных изменений, консервируя социально-политический разрыв, самодержцы обрекали страну на острейшие конфликты и проблемы в будущем.

Модернизация является не разовым действием, а постоянным процессом, поэтому ее существенное замедление равно демодернизации или антиреформе¹¹.

⁹ Автор уникального исследования по истории политики, образа мышления и жизни верхушки русского государства в конце XVII в. П.В. Седов, оценивая ситуацию кануна петровских реформ, отмечает: «Федор Алексеевич и его окружение готовы были дать сословиям «слободины», но с опаской приглядывались к короткому иноземному кафтану и европейской науке, при этом восприятие иноземных новшеств не подразумевало резкого отказа от московской «старинь». Возможно, такой путь не был слишком эффективным в военном и политическом отношении, что само по себе не означает невозможности его реализации. Петр I, напротив, решительно резал длиннополые кафтаны и бороды, посылал учиться за границу, но считал, что сословные вольности западных стран неприменимы к России «как к стене горох». Усиление церковной иерархии при Федоре Алексеевиче вело к укреплению сословных прав духовенства, но стесняло заимствования в области культуры. Ликвидация патриаршества превратила церковь в часть государственной машины, зато позволила провести решительную европеизацию». В качестве же одной из ключевых причин того, что развитие страны пошло так, а не иначе, П.В. Седов указывает разобщенность сословий, прежде всего, то, что «связанная со двором верхушка была оторвана от менее привилегированных низов» [Седов 2006, с. 552–555].

¹⁰ Один из ведущих специалистов по российской истории XVIII в. Е.В. Анисимов отмечает: «Несмотря на глобализирующие перемены в духе европеизации, Россия при Петре I оказалась открытой только «внутрь», исключительно для иностранцев. В отношении же власти к свободному выезду русских за границу, а тем более, к эмиграции их никаких изменений не произошло. Безусловно, царь всячески поощрял поездки своих подданных на учебу, по торговым делам, но при этом русский человек, как и раньше, мог оказаться за границей только по воле государя. Иной, т.е. не санкционированный верховной властью выезд за границу по-прежнему карался как измена. Пожалуй, исключение делалось только для приграничной торговли, но и в этом случае временный отъезд купца за границу России по делам коммерции без разрешения власти карался кнутом. Прочим же нарушителям границы грозила смертная казнь» [Анисимов 1999, с. 32].

¹¹ В конце XVIII – первой половине XIX в. государственная система все больше и больше противопоставляла себя идее развития, стремилась к статике, а европейскую динамичность воспринимала как угрозу. Идею отталкивание от Европы сопровождалось недооценкой и даже отрицанием уже и технической модернизации, которая рассматривалась как часть того, что разрушает стабильность, традицию. Один из ключевых чиновников правительства Николая I граф Е.Ф. Канкрин, проработавший на своем посту 23 года, был убежден во вредности

В России же XIX в. между осознанием общественным разумом необходимости и даже неотложности системных реформ и началом реальных действий прошло более полувека. Ключевая причина роковой задержки – отсутствие политической воли.

Эволюция общества

Вместе с тем, торможение в реформировании государства могло в какой-то степени замедлить, но не могло остановить движение по европейскому вектору общества и общественного сознания – развитие образования, продвижение к правовому государству, гражданскому обществу появлению самостоятельной личности, малой семьи, качественно новых общественных связей¹².

Важно также отметить, что современные исследования российского предпринимательства – дела, образа жизни, сознания – не отмечают качественного ментального различия между российскими и европейскими предпринимателями того времени. Мотивация деятельности, по крайней мере, значительной части русских торговцев и предпринимателей середины XIX в. уже была проникнута «привычкой к делу», «духом капитализма». Очевидное и существенное различие было в другом – в месте предпринимателя в общественной иерархии, которое определялось не столько «русской ментальностью», сколько социальной структурой дворянской империи¹³.

Высшей точкой российской трансформации, в которой общественное развитие соединилось с целенаправленной государственной политикой, стали Великие реформы 60-х гг. XIX в. Они были не только прямой реакцией на внешние вызовы, но и предусматривали серьезное переустройство общества в соответствии с давно накопившимися внутренними потребностями. Они запустили механизм эмансипации крестьянства, создали предпосылки формирования легитимного института частной собственности на землю. Чрезвычайно важными были судебная, земская и военная реформы. Инерция этих реформ прошла через весь советский период и, можно сказать, благодаря этой инерции и сегодняшняя Россия не потеряла окончательно представлений о личной свободе человека, свободе выбора, политическом доверии, смысле процедур, об обязанности заботы о слабых. Наличие в России и странах СНГ ответственного меньшинства, которое группируется вокруг независимо мыслящих учителей, священников, правозащитных лидеров, а иногда даже в политические партии – результат реформ середины XIX в. Других позитивных, формирующих граждан (а не подданных) общественных реформ Россия не знала.

Однако не было осмыслено как государственная задача формирование в России целостного общества. Российское общество было и оставалось поделенным на плохо взаимосвязанные между собой сословия, слои и касты, которые жили в

железных дорог. В конечном счете, такое политическое мышление привело Россию к поражению в Крымской войне – неожиданному и крайне болезненному для империи, претендовавшей на роль «жандарма Европы», но объективно закономерному и даже неизбежному. Эти черты были характерны и для советской системы, которая на пике внешнеполитического могущества начала бороться с генетикой и кибернетикой, потому, что их значение не могло быть столь немедленно и наглядно продемонстрировано как важность атомного проекта.

¹² Движение было медленным, неравномерным, но это не «качание маятника», не пароксизмы реформ, сменяющиеся возвращением к средневековой традиции, «всплесками архаики». Подробную и весьма убедительную аргументацию этого утверждения можно найти в работах А.Б. Каменского [*Каменский* 1999, 2003] и Б.Н. Миронова [*Миронов* 1999, т. 2].

¹³ «Само дело стало для предпринимателей «необходимым условием существования», отмечает А.И. Куприянов, изучавший записки и воспоминания представителей русской буржуазии XIX – начала XX в. [*Куприянов* 1996, с. 93] Однако «выступить за претворение потребностей буржуазного развития купечество не могло не в силу своей субъективной, так сказать, изначальной консервативности, а из-за реальных объективных условий своего существования, выдвигавших на первый план борьбу за осуществление сословных интересов» [*Козлова* 1996, с. 52].

абсолютно разных традициях, в разных социокультурных измерениях, и постоянный конфликт на некоторых из существовавших «линий раздела» был неизбежен, а развитие промышленности и транспортной инфраструктуры и относительное ослабление контроля над личностью лишь усиливали проявления этого конфликта в виде террора, насилия и заговоров вплоть до 1917 г. Несмотря на усилия реформаторов, не хватало не только обратной связи общества с властью, но элементарной связи разных социальных страт общества, что в итоге и разрушило страну.

Соответствующая по масштабу политическая реформа тормозилась страхом перед возможной (даже частичной) утратой контроля за происходящими в стране процессами. В этой особенности государства и его отношений с народом заключена фундаментальная причина того, что именно Россия не справилась с общеевропейскими (учитывая тогдашние геополитические реалии – глобальными) «вызовами» начала XX в. Сложность проблем, стоявших перед страной, очевидно, превосходила возможности традиционной модели отношений между государством и обществом.

На фоне потрясений Первой мировой войны нарастающие противоречия между развивающимся практически спонтанно обществом и стагнирующим государством, а также обусловленная особенностями политической системы неопытность представлявших гражданское общество парламентских политиков в вопросах непосредственного государственного управления, привели к катастрофе переворота в 1917–1918 гг.¹⁴.

Двойственность сознания: активация негатива

Принципиальная неудача реформ 1990-х гг. в том, что разрыв, отчуждение между народом и государством так и не был преодолен. В результате при наличии в обществе позитивного, десятилетиями накопленного модернизационного потенциала реформы в том виде, в котором они были осуществлены, уничтожали опорные точки модернизации и активировали архаичные комплексы. В последние годы «уход» как средство решения проблем стал распространяться особенно быстро.

Специфика состояния общественного сознания нынешнего рубежа тысячелетий (обусловленная особенностями отечественной истории, в том числе и тем, что трансформация традиционного общества проходила в значительной степени в условиях самодержавия и тоталитарной системы) – это не социокультурные различия между общественными группами, а внутренняя расколотость сознания каждого человека, ведущая его к нестабильности и противоречивости, неустойчивости или даже отсутствию иерархии ценностей.

Как в общественном, так и индивидуальном сознании одновременно присутствуют и архаичные, и адекватные времени модели мышления и поведения. Соотношение между этими частями постоянно меняется. Вопрос в том, какая часть сознания актуализируется лидерами общественного мнения, политиками, обстоятельствами, внутренней политикой, мировым контекстом.

Мы считаем, что причины и истоки сегодняшнего состояния общественного сознания – апатии, безразличия, правового нигилизма, слабости института частной собственности, мафиозности государства, неразвитости гражданского общества и

¹⁴ Отметим также, что поддержка большевиков значительной частью крестьянского населения в ходе Гражданской войны не была антимодернизационным («всплеском архаики»), свойственным традиционному сознанию. Нам представляются обоснованными доводы В.В. Кондрашина, который считает, что крестьянство, поддержавшее большевиков в ходе Гражданской войны, было мотивировано только реализацией идеи «черного передела» земли; в дальнейшем же крестьяне и их традиционный менталитет, с которым большевики столкнулись в ходе Гражданской войны, воспринимались советской властью только как препятствие для осуществления ее планов [Кондрашин 2009].

деградации общества в целом, прежде всего, в характере и методах проведения реформ 1990-х гг. и в политике активно осуществляемой руководством страны на протяжении последних двадцати лет, а не в исторически сложившейся «русской ментальности».

Исторически обусловленные социально-психологические проблемы, культурные особенности, осложняющие проведение реформ, конечно, были, но это естественные и хорошо известные условия работы политической элиты, государственных структур, политических партий и общественных организаций, лидеров общественного мнения. Они в разных странах разные, но есть практически везде.

В то же время в позднесоветском обществе определенно присутствовал реформаторский потенциал, сочетавший возможность экономических преобразований с качественно новым уровнем социального развития. Его носителями были, прежде всего, образованные слои советского общества – ученые и преподаватели вузов, инженеры, учителя, врачи, квалифицированные рабочие и т.д. В конце 80-х – начале 90-х они обладали колоссальным позитивным настроем, представляли абсолютно массовое желание изменить жизнь к лучшему¹⁵.

Если бы приватизация была осуществлена по сценарию, о котором мы писали выше, и была денежной, а не ваучерной, если бы не было конфискационной гиперинфляции, уничтожившей сбережения граждан (которые наряду с жильем и были самой распространенной формой собственности, массово доступной советским людям), то появилась бы реальная частная собственность, массовый настоящий собственник, мелкий и средний, а позднее на этой основе – и крупный. Такая собственность имела бы гораздо больше оснований для восприятия обществом в качестве заработной, а не полученной по случайно-избирательному принципу или внеправовым способом¹⁶. Вокруг нее можно было создавать правовую и государственную систему: таким образом, можно было обеспечить необратимость институциональных изменений, для которых свобода и создание незыблемого института частной собственности важнее, чем эфемерная финансовая стабилизация и развернутая вокруг нее политика коррумпирования политиков со стороны государства¹⁷.

Радикальные реформаторы с помощью конфискации и последующего неравного распределения ваучеров вновь навязали обществу вульгарную и заведомо несбыточную «идею равенства». Разрастание теневых процессов в экономике, трудовых, социальных взаимоотношениях стали мейнстримом повседневной жизни, в которой для того, чтобы выжить и преуспеть, надо было не следовать закону, а постоянно его нарушать.

Важно подчеркнуть, что это в значительной степени было государственной политикой. Государство само стало центром и законодателем «теневой моды».

¹⁵ О модернизационном потенциале, в частности, свидетельствует быстрое развитие массового кооперативного движения, в котором проявлялось стремление к новым формам организации труда, к новым экономическим отношениям.

¹⁶ Гиперинфляция, неизбежно следовавшая за либерализацией цен в 1992 г., выглядела как широкомасштабный отъем частной собственности. Ваучерная приватизация не стала и не могла стать компенсацией совершенной несправедливости. Она апеллировала к другому, «шариковскому» принципу перераспределения общественного богатства – уравнительному распределению. Важно заметить, что негативное отношение россиян к приватизации базируется, прежде всего, не на иррациональном неприятии частной собственности как таковой, а на вполне рациональном убеждении в незаконности происшедшего. В середине 1998 г. 63% опрошенных полагали, что приватизация проводилась с нарушениями закона [Докторов, Ослон, Петренко 2002, с. 84–85].

¹⁷ На наш взгляд, прошедший век не уменьшил актуальности слов Е.Н. Трубецкого: «Манифест 17 октября до тех пор останется неисполненным обещанием, пока он не найдет действительной опоры в самих демократических слоях общества, при том не только в городах, но и в деревне. Чтобы воспитать нашу крестьянскую массу в этом настроении, есть один верный способ – приобщить ее к собственности. Наш крестьянин тогда только в должной мере проникнется уважением к «действительной неприкосновенности личности», когда сам он станет независимой личностью; для этого необходима, прежде всего, независимость экономическая. Мелкая индивидуальная собственность и есть то самое, что воспитывает в крестьянине уважение как к своему, так и к чужому праву: она представляет собою незаменимый противовес тому хулиганству, как индивидуальному, так и массовому, которое вырастает в атмосфере народной нищеты и служит главной опорой всеобщего бесправия» [Трубецкий 1911, с. 193].

Реформы проводились таким образом, что именно те, кто были опорой и движущей силой перемен перестроечного времени, представители так называемого «советского среднего класса» были уничтожены резким снижением уровня жизни и социального статуса в сочетании с невозможностью самореализации в новых условиях. На их место пришел новый специфический средний класс 1990-х гг., образовавшийся за счет сверхдоходов от продажи природных ресурсов. Поэтому он представлял собой не самостоятельную в экономическом отношении страту, а зависимые от правящего слоя группы, занимавшиеся финансовым, управленческим, информационным и юридическим обслуживанием его интересов [Рябов 2005, с. 11].

Поиск оправдания «реформаторами» этого своего действительно исторического провала и является основой спекуляций о «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и прочее, подкрепляемого сознательным формированием устойчивого мнения (стереотипа) о противоположности реформ и национальной традиции, национального характера. При этом разговоры об «кузности массового сознания, о толпе, об обществе потребления» – это лишь прикрытие сознательных и несознательных ошибок и преступлений: «во всем виноваты не мы, такие умные, цинично-решительные реформаторы, а они – тупые, отсталые и ни к чему не стремящиеся».

Отказываясь от профессионального анализа осуществленных реформ и признания ошибок, адепты реформаторов стали пропагандировать точку зрения о том, что реформа в России – это, прежде всего, «ломка» национальных традиций, принципиальная смена «культурного кода», что они если не противоположны, то перпендикулярны нравственному идеалу общества.

Таким образом, то, как были осуществлены реформы в 1992–2000 гг., привело к разрушению модернизационного потенциала общества, к серьезным негативным изменениям в сознании. И дело здесь, прежде всего, не в «разочаровании» в демократии, демократах и демократических лозунгах, а в контрпродуктивности экономической политики, приведшей к развалу социальной структуры общества, примитивизации жизненного уклада, деструкции иерархии ценностей, архаизации моделей мышления и поведения.

В 1992–2000 гг. исторически сложившийся разрыв между народом и государством не только не был преодолен, но и увеличился. Нарастание этого разрыва после прихода к власти В.В. Путина уже подвело, на наш взгляд, страну к весьма опасной черте.

Учитывая двойственный характер сознания и его раскол, можно утверждать, что та политика реформ, которая осуществляется с 1992 г. по настоящее время, активно апеллировала и продолжает апеллировать к наиболее деструктивным элементам народного сознания, его наиболее отсталым и консервативным формам и моделям поведения, задает вектор движения в сторону деградации и ментальной косности, глубокой инверсии. Короче говоря, каковы реформаторы и их реформы, таков и народ. Если проводить другую политику и подавать другие активизирующие сигналы – о равенстве перед законом, независимости суда, неприкосновенности собственности, подконтрольности и подотчетности властей и т.п. – народ будет сознательным сторонником и участником реформ, как мы это наблюдали в 1987–1991 гг. Поэтому причина провала реформ и нынешнего плачевного положения нашей политической и экономической системы вопреки распространенной точке зрения в кругах нашей либеральной общественности не в «некачественности народа», его отсталости, архаичности, антибуржуазности и пр., а в допущенных в ходе реформ грубейших ошибках, о которых мы сказали выше и сознательной политике направленной на социально-политическую деградацию и деструкцию.

Такой вывод, если он справедлив, означает, что не российский народ, его культура, традиции и история являются препятствием для модернизации экономи-

ки и страны, а следовательно, не в этой плоскости лежит причина сегодняшнего ощущения бесперспективности.

О перспективах российского общества и проблемах его модернизации – наша следующая статья.

Литература

- Анисимов Е.В.* (1999) Дыба и кнут. История политического сыска в России. М.: Новое литературное обозрение.
- Афанасьев Ю.Н.* (2008) Мы не рабы? Исторический бег на месте: «особый путь» России? // Новая газета. 05.12.2008.
- Ахиезер А.С.* (1991) Россия: критика исторического опыта. М.: Философское общество.
- Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* (2005) История России...: конец или новое начало? М.: Новое издательство.
- Глинчикова А.Г.* (2009) Раскол и незавершенность русского модерна // Мир России. №4.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левинсон А.Г.* (2009) Фоторобот российского обывателя // Мир России. № 2.
- Данилевский И.Н.* (1998) Древняя Русь глазами современников и потомков. Курс лекций. М.: Аспект Пресс.
- Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* (2002) Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Издательство Института Фонда «Общественное мнение».
- Зубаревич Н.В.* (2008) Социальное пространство России // Отечественные записки. № 5.
- Илларионов А.Н.* (2010) Трудный путь к свободе // Континент. № 145.
- Каменский А.Б.* (2001) От Петра I до Павла I. М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Кардозу Ф.Э., Карной М., Кастельс М., Козн С.С., Турен А.* (2010) Отчет российскому правительству от международной группы советников по социальным и политическим проблемам экономических реформ и структурных преобразований в России // Мир России. № 2.
- Козлова Н.В.* (1989) Организация коммерческого образования в России в XVIII веке // Исторические записки. Т. 117. М.: Наука.
- Козлова Н.В.* (1996) Некоторые черты личностного образа купца XVIII века (к вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН.
- Кондрашин В.В.* (2008) Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН.
- Кондрашин В.В.* (2009) Крестьянство в гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН.
- Кончаловский А.* Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс // <http://www.polit.ru/analytics/2010/07/12/mentality.html>
- Куприянов А.И.* (1996) Представление о труде и богатстве русского купечества // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв. Сборник статей. М.: Институт российской истории РАН.
- Медушевский А.Н.* (1994) Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М.: Текст.
- Медушевский А.Н.* (2005) Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XXI вв. М.: Институт российской истории РАН.
- Миронов Б.Н.* (1999) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Нарочницкая Н.А.* (2003) Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения.
- Поршнева О.С.* (2004) Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН.
- Рябов А. В.* Демократическое движение в современной России: истоки, состояние, причины. http://www.gorby.ru/imgubrbs.asp?art_id=25948&img=file http://www.gorby.ru/imgubrbs.asp?art_id=25948&img=file

- Рябов А.В. (2005) «Самобытность» вместо модернизации. Парадоксы российской политики в постстабилизационную эру. М.: Гэндальф.
- Рябов А.В. (2010) Новый русский феодализм // Газета.ру, 28.04.2010 – <http://gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml>
- Седов П.В. (2006) Закат московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Соловьев В.С. (2007) Что требуется от русской партии // Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. М.: Хранитель, АСТ.
- Стиглиц Дж. (1997) Куда ведут реформы. К десятилетию начала переходных процессов // Вопросы экономики. № 7.
- Сухова О.А. (2008) Десять мифов крестьянского сознания. Очерки по истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН.
- Трубецкой Е.Н. (1911) Над разбитым корытом // Русская мысль – Год тридцать второй, кн. II, Москва.
- Фроянов И. Я. (2009) Россия. Погружение в бездну. М.: Эксмо.
- Явлинский Г.А., и др. (май, 1992) Диагноз. М.: Московские новости.
- Явлинский Г.А. (1) (2003) Демодернизация. Современная Россия: экономические оценки и политические выводы. М.: ЭПИцентр.
- Явлинский Г.А. (2) (2003) Периферийный капитализм. М.: Интеграл-Информ.
- Явлинский Г.А., Брагинский С.В. (2005) Стимулы и институты. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.
- Явлинский Г.А. (2007) Российская экономическая система. Настоящее и будущее. М.: Медиум.
- Яковенко И.Г. (2006) Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-традиция.
- Яковенко И.Г. (2008) Познание России. Цивилизационный анализ. М.: Наука.
- Яковенко И.Г. (2009) Политическая субъектность масс. Культурологический аспект политической жизни в России. М.: Новый хронограф.
- Grondona M. (1988) Values and Development. Harvard University: Source Book.
- Grondona M. (1990) Toward a Theory of Development. Harvard University: Author's Workshop.

От редакции:

В развитие этой темы в следующем номере нашего журнала будет опубликована статья Г.А. Явлинского и А.В. Космынина «Перспективы российского общества в XXI веке – окончательный «уход» или модернизация».

ЮБИЛЕЙ

Н.И. ЛАПИНУ – 80 лет

Не себя в социологии видит Николай Лапин, но социологию в себе

Когда я публично называю имя Николая Ивановича или мысленно обращаюсь к этому человеку, последовательность ассоциаций примерно такая: очень фундаментальный аналитик, очень дотошный исследователь и очень надежный друг. В моем сознании имя его неразрывно с прилагательным «очень». Какой бы проблемой он ни занимался, Н.И. Лапин стремится доискиваться ее глубин в истории предмета в оценках других аналитиков, в «системном» осмыслении значимости проблемы. Он редко прибегает к выражениям вроде «как я уже писал (или говорил)», он любит работу в команде и с командой, редактирует коллективные тексты как свои собственные, непременно обращается к коллегам, если не считает себя достаточно сведущим в данном вопросе. Николай Лапин, используя метафору Станиславского, видит социологию «в себе», не «себя в социологии».

Этим я объясняю стремление Николая вовлечь в круг беспокоящих его самого проблем других исследователей. Так было в ИКСИ, где в комнатенку изыскательского проекта «Социальная организация промышленного предприятия» набивалось столько жаждущих знаний, что стоящим в дверях аспирантам приходилось чуть ли не на плечи товарищей взбираться, чтобы услышать руководителя проекта или умницу Нину Наумову, слишком рано ушедшую от нас. Так начинался проект «Ценностные ориентации», при разработке программы которого Николай Иванович привлек сотрудников Института социологии, меня в том числе. Дружной компанией мы часами спорили за чаем с печеньками в течение нескольких месяцев и собирались на четвертом этаже Института философии для скрупулезного обсуждения статистик пилотажа и первой волны массового обследования.

Труды Николая Лапина воистину фундаментальны, начиная с книги о молодом Марксе, за которую он единственный из социологов был удостоен Государственной премии, правда, по философии. Философская основательность и стремление системно представить предмет анализа отличает и последующие его сочинения. Так, он предложил классифицировать ценности по функционально-ориентирующим кластерам «ядра» и «периферии», объединяющих или, напротив, разделяющих сограждан в их жизненных устремлениях и способах действий. Лапин выдвинул антропосоциетальную теорию социологии. В учебном пособии он последовательно ведет студента от понимания индивида как личности, т.е. социально встроенного в систему взаимоотношений с другими, и далее, вплоть до рассмотрения социальных отношений в масштабе мир-системы. Основательное пособие сопровождается не менее основательным томом рекомендуемых текстов (подготовлено совместно с А.Г. Здравомысловым), ряд которых публикуются на русском языке впервые. Он первым озаботился исследовать далеко не однообразные регионы России в системе социально-экономических и собственно социальных показателей, вовлек в проект множество коллег волонтеров.

Напомню, что именно Николай Лапин в 1989 г. инициировал создание Российского общества социологов и в течение трех лет был его первым президентом. Не будь РОС, российские социологи не смогли бы сохранить членство в МСА в статусе национального члена международной ассоциации.

И еще. Николая Иванович ничуть не забронзовел в статусе члена-корреспондента Академии наук, что не всем из «бессмертных» свойственно.

Дорогой Николай, прими дружеские поздравления и сердечные пожелания по случаю 80-летия. Это прекрасно, что ты вдохновлен работой и как всегда в сотрудничестве с единомышленниками и твоими воспитанниками. Это радость, что твоя семья – надежная опора. Счастливый ты парень, Коля!

В.А. Ядов

* * *

Трудно вообразить себе более сложную задачу, чем писать о человеке, которого ты знаешь уже чуть ли не более полувека, и вдруг обнаруживаешь, что прошлые годы были наполнены встречами, совместной работой, приятными и не очень приятными событиями. Но главное, что постоянно было одно: любое дело, которое начиналось с участием Николая Лапина, обязательно завершалось успешно и на самом высоком качестве.

Конечно, как редактор журнала я должен, прежде всего, поздравить с юбилеем старейшего члена редколлегии. Однако я имею в виду не возраст, а то, что с самого основания журнала он стал одним из его постоянных авторов. Кроме того, если говорить о журнале, не было периода, когда бы он совместно со мной не обсуждал сложные организационные и финансовые проблемы до того, как журнал попал под опеку ВШЭ. Из постоянно возникавших трудностей сложно было выбраться, и нужен был кто-то, с кем эти проблемы требовалось обсудить и каким-то образом решить. Случая не было, чтобы я, равно как и мои другие коллеги – участники этого непростого дела – разрешали эти трудные обстоятель-

ства без прямого участия Николая Лапина. Да это и в голову бы просто никому не пришло.

С Николаем мы познакомились в те давние годы, когда он затеял грандиозный проект по изучению планируемых и спонтанных процессов на крупных предприятиях промышленного комплекса. Нас было так мало, что все мы знали, кто чем занят. И поэтому, когда перед инициатором проекта возникла задача разобраться в некоторых проблемах, которые не могли до конца осмыслить собравшиеся в Москве талантливые теоретики, он вспомнил о нашей лаборатории. Это был период, когда Институт социологии (тогда еще Институт конкретных социальных исследований) только начинал свою деятельность, вобрав в свой состав совершенно блестящих людей, но не имея для них ни помещений, ни материальной базы для развертывания исследований. И вот осенью 1968 года (уже не помню точной даты) ко мне в кабинет в Ленинграде входят два человека – Николай и его тогдашний постоянный коллега по делам проекта Варлен Колбановский. Мы тогда весьма активно занимались конкретными исследованиями на договорных началах в приборостроении, мясообрабатывающей промышленности и на нефтепромыслах в Татарии – г. Альметьевске, тогдашнем центре добычи нефти в стране. Мы приняли приглашение Николая участвовать в его проекте и взять на себя несколько важных его разделов. Но дело не в том, что сделал сам Николай после этой первой встречи – он немедленно заинтересовался, чем и как он может нам помочь. И помог! Он участвовал в создании первой социологической лаборатории в нефтяной промышленности в Альметьевске, и в дальнейшем мы с ним активно занимались социальными проблемами в этой же отрасли в Тюмени.

Невозможно представить себе получившее тогда огромное развитие движение по созданию заводских социологических служб без его участия. Эти службы возникали от Молдавии до Владивостока в самых разных уголках страны. Иногда это были высоко эффективные службы, иногда – не очень удачные, но в целом это движение было весьма полезным, и жаль, что его традиции не восстановились до сих пор. К чести Николая надо сказать, что он – единственный из нас – сделал все, чтобы опыт того времени, который все равно понадобится нашей экономике, был сохранен. Несколько лет назад он издал огромную книгу о своем проекте по изучению социальной организации предприятия, в которой сосредоточены методические материалы, не имеющие себе равных в мировой практике.

Должен сказать, что, когда в Высшей школе экономики встал вопрос о социологическом образовании, помимо уже начавшего свое существование экономического и менеджериального, Николай и здесь принял активное участие, не считаясь ни со временем, ни с состоянием своего здоровья. По его инициативе возникло немало учебных курсов, которые читают сейчас молодые преподаватели и на экономическом, и на социологическом факультетах (таких, как, например, «Социальная организация предприятия», «Теория и практика инноватики»). Но, пожалуй, наиболее сложным курсом, разработанным Николаем совместно со мной и Ириной Девятко, был курс по теории социально-экономических систем. Этот огромный курс своим ядром и имел ту часть лекций, которая была подготовлена именно Николаем Лапиным. Во многом этот курс предшествовал той блистательной книге по общей социологии, которую несколько позднее, в 2006 году, издал Николай, сопроводив ее хрестоматией и другими методическими материалами.

Говорить о его вкладе в преподавание в «Вышке» можно до бесконечности. И дело не только в тех многочисленных курсах, которые он читал с исключительной глубиной и основательностью – он ежегодно выпускал из магистратуры превосходных специалистов, которые стали нашей гордостью, можно сказать,

брендом университета. Жаль, что сейчас в связи с занятостью другими делами в Академии наук он был вынужден прервать столь ценную для нашей родной «Вышки» работу.

Многих тебе лет жизни, успехов, новых книг и новых учеников! Всего тебе доброго на твоём, надеюсь, ещё долгом и успешном пути!

Овсей Шкаратан